

РЕЛИГИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Укенов Али Сайлауұлы

ukenali@mail.ru

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

(Нур-Султан, Казахстан)

Ukenov Ali

ukenali@mail.ru

L.N.Gumilyev Eurasian National University

(Nur-Sultan, Kazakhstan)

Аннотация. В статье рассматриваются кейсы использования религии в качестве «мягкой силы» на примере России и Турции. Исходя из внешнеполитических стратегий, каждое государство формирует собственный дискурс в использовании религии в качестве «мягкой силы». В статье обосновывается мысль, что наибольшим потенциалом в решении межгосударственных вопросов обладают мировые религии как носители уникального исторического опыта духовной и политической глобализации, как институты духовной власти, аккумулирующие значительный материальный и другие ресурсы, а также как институты гражданского общества, продвигающие ценности свободы и гуманизма. Использование религии в качестве «мягкой силы» становится еще одним аргументом в критике теорий секуляризма. Анализ дискурса религии в качестве «мягкой силы» был сделан на примере внешнеполитических стратегий России и Турции с учетом их политического авторитета на международной арене.

Ключевые слова: религия, мягкая сила, жесткая сила, секуляризм, международные отношения.

Введение

Многие классики социологии прогнозировали снижение роли религии по мере секуляризации общественных отношений, в частности, предполагали, что ее роль будет маргинализована в политической сфере [1, с. 9]. Однако тенденции современной политической конъюнктуры прямо свидетельствуют, что религия обладает и демонстрирует примеры успешного применения интеллектуально-эмоционального, репутационного, коммуникационного потенциала. Данный факт становится все более значимым в международных отношениях в силу кризиса традиционных «политических технологий». Однако, необходимо отметить, что и сегодня имеет место критический подход к пониманию места религии в международных отношениях, хотя со временем ее роль начала признаваться ведущими специалистами мирового уровня [2, с. 73].

Как известно, противоречия и конфликты интересов на международной арене возникают вследствие многих причин, таких как территориальные претензии, «несправедливое» распределение природных, демографических ресурсов, межэтнические и религиозные различия и амбиции тех или иных государств и т. д. Цель сторон в конфликтах – это добиться желаемых результатов, то есть, как правило, принудить другую сторону к согласию или к принятию тех или иных решений. Историей выработаны два дискурса в достижении поставленных целей. Первое – это применение «жесткой силы» (*hard power*), второе – использование «мягкой силы» (*soft power*).

Как известно, «жесткая сила» основана на военном вмешательстве, принудительной дипломатии, экономических санкциях [3, с. 114] и опирается на материальные ресурсы власти, такие как вооруженные силы, экономические средства [4, с. 29].

Однако в современном мире, начиная с периода завершения «холодной войны», а для многих государств – это исторически сложившаяся традиция, применение *hard power* не является уже ключевым политическим инструментом. Во-первых, применение «жесткой силы» остается затратными статьями бюджета, перетягивающими средства из социальной и др. сфер на военные нужды, соответственно способствующими снижению степени доверия общества к политической власти, накоплению конфликтного потенциала в отношениях между ними, девальвации моральных ценностей населения, поскольку для поддержания агрессивного внешнеполитического концепта внутри общества необходима идеологическая работа по созданию «образа внешнего врага». Нельзя сбрасывать со счетов, что воспроизводство принципа принятия решений с позиции силы будет воспроизводить в обществе ситуацию «националистического нигилизма» и чувства «превосходства одной общности над другой». Во-вторых, демонстрация «военной мощи» отрицательно сказывается на международном имидже страны, формирует «негативные паттерны» среди населения стран, в отношении которых были применены силовые методы. В-третьих, отношения, построенные на применении силы, не имеют долгосрочной перспективы и стремятся к «эффекту бумеранга» в исторической перспективе.

Эти и другие факторы уже сегодня воспринимаются большинством акторов внешнеполитических акций и соответственно в международных отношениях актуальной повесткой дня постепенно формируется концепция «мягкой силы». «Способность убедить других делать то, что вы хотите» в нашем глобальном мире, где огромная планета благодаря развитой технологии, в частности интернета, стала как одна маленькая деревня, является как никогда актуальной» [3, с. 114].

«*Soft power*», или «мягкая сила», согласно Джозефу Найу, внедрившему концепт «мягкая сила», связан с нематериальными ресурсами власти, такими как культура, идеология и различные институты» (5, с. 63). Однако, в отличие от *hard power*, «мягкая сила» требует выстраивания долгосрочных стратегий, поскольку носителем ее ресурсов является гражданское общество и ее цель – завоевание «умов и сердец».

В качестве одного из актуальных ресурсов «мягкой силы», успешно применяемых отдельными странами, можно считать религию, религиозные институты и религиозных персон, акторов (actor). Религия после окончания холодной войны в конце 1980-х годов, революции в Иране в 1979 году, а главное – распада СССР начала приобретать все большее гуманитарное, социальное и политическое влияние.

Необходимо отметить, что мировые религии (христианство, ислам, буддизм), которые фактически сами являются одними из первых примеров успешной глобалистской модели мира, аккумулируют в себе огромный потенциал культурного экспорта и опыта экуменизма, а также возможности создания привлекательного имиджа страны. Таким образом, в статье делается попытка концептуализации кейсов использования религии в качестве «мягкой силы» Россией и Турцией в определенные периоды внешней политики. Выбор этих стран не случаен, поскольку эти государства являются историческими центрами крупнейших религий – православного христианства и суннитского ислама. Анализ кейсов проведен в контексте следующих смысловых структур: поддержка религиозных организаций, продвижение религиозного образования, создание пространства религиозной солидарности как фактора сохранения политического присутствия, восстановление исторических связей, формирование позитивного имиджа страны на международном уровне.

Методология исследования

В исследовании применялся комплексный подход в изучении феномена религии как фактора «мягкой силы» в международных отношениях. Автором использовался концепт интерпретивизма, направленный на понимание социальных смыслов, заложенных в международной политике. Данный подход может дать понимание идентичностей, идей, норм и культуры в международной политике.

Анализ особенностей применения религии как инструмента «мягкой силы» опирался на методологию конструктивизма, поскольку сама концепция «мягкой силы» основана на технологии конструирования новых паттернов международных отношений. В рамках конструктивистского подхода «мягкая сила» выступает как дискурсивная, создающая новую социальную реальность.

Компаративистский анализ двух кейсов с элементами системного подхода дал возможность представить комплексную картину парадигмы «мягкой силы» по формированию привлекательности и убеждению следовать «своему примеру», раскрыть экуменистический потенциал религии в международных отношениях.

Поскольку в работе ставится задача проанализировать систему «мягкой силы» как одного из концептов внешней политики государств, исследование опиралось на использование дескриптивного метода эмпирических фактов, наглядно показывающих, в чем и как проявляется применение soft power и каковы его результаты.

Христианство как «мягкая сила» в международных отношениях России

Призывы о необходимости создания нового, позитивного облика России звучали неоднократно, однако этот дискурс приобрел особую актуальность в связи с кризисом отношений России с бывшими странами советского пространства, а именно с Грузией в 2008 г., Украиной в 2014 г.

В результате Россия, по мнению большинства соседних государств, из категории «соседа-партнера» перешла в категорию «соседа-агрессора». Конечно, сложившаяся ситуация в стратегической перспективе была чревата созданием новых «зон нестабильности» на территории, которую Россия исторически контролировала и, что значимо, создавала угрозу вдоль периметра ее границы. В этой связи Президентом России В. Путиным перед властью и политической элитой ставится задача: «Есть необходимость формирования непредвзятого и благоприятного представления о внутренней и внешней политике Российской Федерации, о ее истории, культуре и сегодняшнем развитии» [6].

Имелись и другие факторы актуализации нового внешнеполитического образа России. После развала СССР Россия продолжает восприниматься европейскими странами как энергетическая и военная держава. Иностранные государства редко сотрудничают с ней по линии культуры или социальной сферы [7].

Важность «мягкой силы» и необходимость формирования нового концепта имиджа России на международном уровне стало предметом внимания российских ученых. Авторитетный ученый П.С.Гуревич так комментирует данную ситуацию: «...имидж заключает в себе огромный практический смысл. В нем не только политические дивиденды, но даже и экономический эффект. Ни одно государство не станет вкладывать капитал в экономику той страны, которая не вызывает уважения или доверия. Невозможно извлечь и политические выгоды, если страна не пользуется признанием» [8].

Одним из исторически сложившихся акторов «мягкой силы» в России является Русская Православная Церковь (РПЦ), которая в определенной степени реализует «параллельную дипломатию» с республиками бывшего СССР. РПЦ – крупная автокефальная поместная православная церковь в мире и имеет огромный авторитет, ресурсы, а также исторический опыт успешного проводника российских интересов. Таким образом, после августовских события 2008 года РПЦ стала значимым проводником духовного сотрудничества между Россией и Грузией и соответственно важной площадкой диалога [9, с. 243].

РПЦ в целом ведет постоянную активную внешнеполитическую работу по сохранению единого духовного пространства республик бывшего СССР. Так, например, Президент России Б. Ельцин во время визита Грузии в 1994 г., вместе с Президентом Грузии Э. Шеварднадзе посетили собор Сиони – одну из главных святынь Грузинской церкви. Данный визит был охарактеризован как собрание двух христианских лидеров, и соответственно, дружественных народов [10, с. 233].

Грузинская Православная Церковь (ГПЦ) в самой Грузии рассматривается как главный сторонник идеологического сопротивления прозападной ориентации Грузии. Представители Церкви часто дают оценку западным ценностям как

угрозе национальным интересам и грузинским традициям. В итоге, на страницах отдельных СМИ появляется информация, что ГПЦ является одним из основных инструментов российской пропаганды, формирующий среди грузинского народа русский нарратив [11]. Так, Патриарх Илия Второй – епископ ГПЦ в 2013 г. на встрече с грузинской диаспорой в Москве отмечал: «...что отношения между Россией и Грузией были и всегда будут дружескими и братскими. Владимир Путин – тот мудрый руководитель, который обязательно сможет помочь переломить ситуацию, и Грузия вновь станет единой» [12].

В ноябре 2016 года Патриарх Илия Второй совершил уже свой пятый визит в Россию с момента августовской войны 2008 года для принятия участия в мероприятиях, посвященных 70-летию Патриарха РПЦ Кирилла. Патриарх Грузии, обращаясь к своему коллеге, отметил, что «урегулирование отношений между Россией и Грузией очень важно для двух стран. Мы нужны друг другу» [13].

Вместе с тем, ГПЦ сохраняет свою позицию в отношении автономности. Поэтому неудивительно, что действия РПЦ в связи с попыткой вторжения ее на «каноническую территорию» Грузинской церкви получили неоднозначную оценку грузинского православия. Речь идет о попытке направления выпускников духовных школ РПЦ в помощь армейским командирам в российские военные части, находящимся в Абхазии и Цхинвальском регионе. Патриарх Илья Второй в обращении к главе РПЦ подчеркивал, что «Русская Церковь всегда признавала и признает юрисдикцию Грузинской Церкви как в Абхазии, так и в Цхинвальском регионе, поэтому нам непонятны такие заявления, и они ставят всех нас в тяжелое положение» [14].

Таким образом, прослеживается концепт использования христианства, а именно РПЦ, в качестве инструментов «мягкой силы» в реализации внешнеполитических установок России. Основной акцент делается на подчеркивании «культурной и религиозной близости с Грузией, несовместимости «традиционных» православных ценностей с либеральной, эмансипационной повесткой Евросоюза» [9, с.10].

Таким образом, вопреки кризису в отношениях между политическими лидерами стран, мягкая сила России находит благодатную почву в Грузии, прежде всего через религию, эксплуатируя биополитический потенциал христианства. Особенно это сила набирает свою актуальность, когда жесткие силы (hard power), то есть военная, экономическая и т. д., теряют свою релевантность.

Ислам как «мягкая сила» в международных отношениях Турции

На протяжении последних 20 лет у власти в Турецкой Республике находится умеренно-исламская Партия справедливости и развития (АКР). С приходом этой партии во внутренней и внешней политики страны произошли коренные трансформации, изменившие самосознание не только политической элиты страны, но и турецкого народа как части глобального политического сообщества.

Турция в современном мире является первой страной с наибольшим мусульманским населением, добившаяся впечатляющего экономического роста.

По данным МВФ, в 2013 году Турция была 17-й по величине экономикой мира. Эти показатели народ относит к заслугам правящей партии АКР и его лидера Реджепа Эрдогана. С приходом во власть этой партии Турция начала все больше участвовать в решении международных и геополитических вопросов.

Политика «мягкой силы» у нынешних лидеров Турции продолжает сохранять ключевое значение для защиты и продвижения национальных интересов. В течение длительного времени политика «мягкой силы» со странами, имеющими общие этнические корни, концептуализировалась Турцией рамками исторического, культурного, языкового единства. В новых условиях Турция придает новые коннотации прежним отношениям и активно развивает «религиозную дипломатию». Таким образом, Турция начала представлять совершенно иную модель политического ислама.

Главный архитектор современной внешней политики Турции, бывший премьер-министр Турции Ахмета Давутоглу в своей книге «Стратегическая глубина», изложил основу теории неоосманизма [15, с. 77]. Автор указывает на необходимость определения для Турции принципиально новой роли в качестве наследницы как в географическом, так и в культурном смысле – Османской империи. Одним из основных принципов и конечной целью новой внешнеполитической стратегии при этом названо формирование нового имиджа Турции.

Вызывает интерес обстоятельство, что значимая роль в реализации «мягкой силы» была отведена Министерству иностранных дел, Министерству туризма и культуры, Министерству общественной дипломатии и Фондам Юнуса Эмре.

Особый фокус в формировании имиджа развитой и передовой страны направлен на страны, с которыми Турция имеет общие корни. В частности, в категорию таких стран входит регион Центральной Азии. Причин такого внимания две: религия и тюркское наследие. Однако, ключевую роль в отношениях между странами все больше придается исламу. Примечателен тот факт, что казахи и турки в основном относятся к одной богословско-правовой школе имама Абу Ханифы.

С целью укрепления возобновившихся отношений и дальнейшего расширения влияния в этом регионе Турция, кроме официальных посольств, консульств и фонда Юнуса Эмре, начала периодически направлять в регион представителей Управлений по делам религий (далее Диянет).

Динамичность развития этих отношений можно заметить по созданным организациям. Например, в 1992 году открывается Турецкое агентство по сотрудничеству и координации (ТІКА) со штаб-квартирой в Анкаре. Цель ТІКА – содействовать развитию тюркских стран и общин. 12 июля 1993 г. создается Международная организация тюркской культуры (TURKSOY). В 2009 г. создается и Тюркский совет. В дальнейшем создаются Парламентская ассамблея тюркоязычных стран, Совет старейшин, Всемирная ассамблея тюркских народов и т. д. Таким образом, «мягкая сила» в лице культурного сотрудничества, эксплуатирующего идеи единого исторического прошлого, находит свое применение в регионе.

«Мягкая сила» находит реализацию на уровне «бытовых ценностей». Это рост популярности турецких сериалов, кухни, языкового сленга среди молодежи

жи. Большую привлекательность вызывает сфера туризма, которая сочетает в себе комфорт европейского сервиса, возможности «качественного шопинга» и прикосновения к духовным святыням ислама.

Все это концептуализирует создание особого имиджа лидера страны Реджепа Эрдогана. Особенно это заметно на просторах СМИ, социальных сетей, пабликах и форумах. Так, например на страницах популярного в Казахстане паблика «ZTV_VIDEO» имеется видео с Эрдоганом, произносящего азан в Соборе Святой Софии. Данный пост был опубликован 24 июля 2020 года и на момент 10 февраля 2021 года имеет 300 394 просмотров и 55 989 лайков. Его популярность напрямую связана с его публичной «религиозностью», то есть, чтением Корана, посещением мечети «без охраны» и выполнением значимых религиозных ритуалов. Все это привлекает в проекции формирования новой модели политического лидера все больше граждан Казахстана.

Образование

Самое осязаемое влияние Турции на Центрально-Азиатский регион идет через образование, в частности через религиозные образовательные учреждения. Религиозные образовательные учреждения в основном принадлежат двум джамаатам (движением). Первое – это движение под предводительством Фетхуллага Гюлена, вторую группу называют Нурджылар.

Движение Фетхуллага Гюлена основало транснациональную сеть учебных заведений и благодаря присутствию в Центральной Азии стало частью «мягкой политики» Анкары [16, с. 162]. Однако после попытки переворота 15 июля 2015 года данный проект был остановлен.

Вторая группа Нурджылар, кроме образовательных учреждений и учебных пансионатов, имеет в Центральной Азии ряд коммерческих компаний. Большинство из них, за исключением «Ülke» и «Barakat», представляют собой небольшие организации, занимающиеся различными видами деятельности, такими как выпечка, рестораны, строительная промышленность, производство текстиля.

Только в Казахстане Международный общественный фонд KATEV контролирует 27 государственных казахско-турецких лицеев, 3 частных лицей, Международные школы «Spectrum» в г.Нур-Султан, «Galaxy» в г. Алматы, 2 колледжа в г. Алматы и г. Тараз, Университет им. С. Демиреля, колледж имени С. Демиреля, Жамбылский экономический колледж, начальную школу «Шахлан», международную школу «Нур-Орда», а также в рамках Меморандумов 3 школы в городах Атырау, Кульсары и Экибастуз. Таким образом, в Казахстане 37 учреждений среднего образования, 2 колледжа, 1 высшее учебное заведение было создано под патронажем Турции, в которых имеет место религиозная составляющая.

Другим вектором активности в дискурсе «мягкой силы» является спонсорство турецкими фондами проектов в области образования. Соответственно между турецкими и центрально-азиатскими университетами повысилась академическая мобильность. Выделяются средства для программ стажировок в Турции для

студентов, магистрантов и аспирантов университетов Центральной Азии. Предлагаются программы турецкого языка [17, с. 117].

Управление по делам религий (Диянет) оказывает помощь духовенству региона. Будущие духовные лидеры региона посещают религиозные центры.

Однако, как уверяет ассистент-профессор Высшей школы государственной политики Назарбаев-университета Азиз Бурханов, активность Турции в регионе, в том числе в Казахстане, не является причиной для волнений: «Если не считать культурно-исторические связи, то потенциал для реальной экономической и политической интеграции тюркских государств довольно ограничен» [18].

Таким образом, рост религиозных настроений и поиски национальной идентичности государств Центральной Азии коррелируется с дискурсом внешней политики Турции по расширению векторов присутствия Турции в качестве донора культурного, исторического, религиозного потенциала развития. Это особенно становится заметным в сфере образования, а именно в сфере религиозного образования. Принадлежность к единой богословско-правовой школе еще более увеличивает возможности конструирования религиозных лидеров страны, что в стратегическом плане дает свои преимущества.

Заключение

Рассмотрев кейсы использования религии в качестве «мягкой силы» на примере России и Турции, можно сделать заключение, что данное направление требует еще более детального изучения. Однако, использование религии в качестве «мягкой силы» показывает, что теория секуляризма еще раз становится объектом критики. Таким образом становится ясно, что данное направление является актуальным для будущих исследований и требует более комплексного подхода в изучении.

Вдобавок можно отметить, что использование потенциала религии в качестве мягкой силы должно быть одним из приоритетных направлений во внешней политике нашего государства. Связано это с тем, что наша страна является поликонфессиональной, при всем этом, на протяжении тридцати лет ведет многовекторную внешнюю политику. Соответственно, имеющийся потенциал в виде представителей многих религиозных объединений, представленных в нашей стране, могут позволить Республике Казахстан стать одним из ключевых игроков не только на региональном, но и на международном уровне. При этом, отказ от ядерного вооружения и приверженность к принципу мирного сосуществованию могут сделать из Республики Казахстан бенефициара данной позиции на мировом уровне.

Список литературы

- 1 Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. – Oxford: Blackwell, 2002. – 271 p
- 2 Berger P. *The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics*. – Grand Rapids. MI. USA: Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1999. – 135 p.
- 3 Wilson E.J. *Hard Power, Soft Power, Smart Power* // *ANNALS of the American Academy of Political and Social Sciences*. Issue 616. – 2008. – PP. 110-124.

4 Gallarotti G. Soft Power: what it is, it's importance, and the conditions for its effective use // *Journal of Political Power*. – 4(1). – 2011. – PP. 25-47.

5 Nye J.S. Understanding global conflicts: An introduction to theory and history. – New York: Pearson/Longman, 2005. – 425 p.

6 Путин В.В. Выступление на пленарном заседании совещания послов [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/464562 13.07.0411:11 (дата обращения 01.09.2021).

7 «По-прежнему будем братьями». Владимир Путин встретился с Предстоятелем грузинской церкви Илией II // «Российская газета» Федеральный выпуск №5989 (13) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2013/01/24_a_4938937.shtml (дата обращения 25.08.2021).

8 Импидж России в современном мире [Электронный ресурс]. URL http://iph.ras.ru/uplfile/histan/k_r_u_g_l_y_e_s_t_o_l_y_p_d_f/%D0%98midj_rossii_v_sovremennom_mire_2010_%E2%84%961.pdf (дата обращения 30.08.2021).

9 Kornilov A., Makarychev A. Russia's soft power in the South Caucasus: discourses, communication, hegemony // *Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus*. Agadjanian, Alexander, Joedicke, Ansgar and Evert van der Zweerde (eds.). – London and New York: Routledge, 2015. – PP. 238-254.

10 Kurbanov R., Kurbanov E. Religion and politics in the Caucasus // M. Bourdeaux (ed.) *The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia*. – Armonk (NY) and London: M.E. Sharpe, 1995. – PP. 229-246,

11 Netgazeti.ge. Saqartveloshi rusuli propagandis tsinaaghmdeg gaertianebuli organizatsiebis gegmebi [Plans of Organizations in Georgia United Against Russian Propaganda]. – 9 May. – 2016. Netgazeti.ge. [Electronic resource]. URL <http://netgazeti.ge/news/113152/> (accessed 28 December, 2016).

12 Аpsny. Речь Илии Второго на встрече с грузинской диаспорой России. Аpsny. 26 января. – 2013. [Электронный ресурс]. URL <https://www.apsny.ge/2013/soc/1359267799.php> (дата обращения 03.09.2021).

13 Civil.ge. Georgian Patriarch visits Moscow. Civil.ge. – 21 November. – 2016. [Electronic resource]. URL <http://civil.ge/eng/article.php?id=29640> (accessed 26 December, 2016).

14 Новая газета. Или ты, Илия. –2019. [Электронный ресурс]. URL <https://novayagazeta.ru/articles/2019/11/25/82870-ili-ty-iliya> (дата обращения 04.10.2020).

15 Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // *Insight Turkey*. – 2008. – Vol. 10. – No. 1. – PP. 77–96.

16 Balcı Bayram. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // *Religion, State & Society*. – 31/2. – 2003. – PP. 151-177.

17 Fidan Hakan. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia // *Journal of Balkan and Near Eastern Studies*. –12 (March) 1. – 2010. – PP. 109-121.

18 Tobolinfo. Мифы и реальность тюркского единства 11.08.2017 [Электронный ресурс]. URL <https://tobolinfo.kz/mify-i-realnost-tjurkskogo-edinstva/> (дата обращения 20.09.2021).

Transliteration

1 Max Weber, *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. – Oxford: Blackwell, 2002. – 271 p

2 Berger P. *The desecularization of the world: Resurgent religion and world politics*. – Grand Rapids. MI. USA: Wm. B. Eerdmans Publishing Co, 1999. – 135 p.

3 Wilson E.J. Hard Power, Soft Power, Smart Power // ANNALS of the American Academy of Political and Social Sciences. Issue 616. – 2008. – PP. 110-124.

4 Gallarotti G. Soft Power: what it is, it's importance, and the conditions for its effective use // Journal of Political Power. – 4(1). – 2011. – PP. 25-47.

5 Nye J.S. Understanding global conflicts: An introduction to theory and history. – New York: Pearson/Longman, 2005. – 425 p.

6 Putin V.V. Vystuplenie na plenarnom zasedanii soveshchaniya poslov [Speech at the Plenary Session of the Meeting of Ambassadors] [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.mid.ru/web/guest/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/46456213.07.0411:11 (data obrashhenija 01.09.2021).

7 «Po prezhnemu budem brat'yami». Vladimir Putin vstretilsya s Predstoyatelem gruzinskoj cerkvi Ilije II» [We Will Continue to be Brothers. Vladimir Putin met With the Primate of the Georgian Church Ilia II] Rossijskaja gazeta» Federal'nyj vypusk №5989 (13) [Jelektronnyj resurs]. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2013/01/24_a_4938937.shtml (data obrashhenija 25.08.2021).

8 Imidzh Rossii v sovremennom mire [Image of Russia in the Modern World] [Jelektronnyj resurs]. URL http://iph.ras.ru/uplfile/histan/k r u g l y e _ s t o l y _ p d f /%D0%98midj_rossii_v_sovremennom_mire_2010_%E2%84%961.pdf (data obrashhenija 30.08.2021).

9 Kornilov A., Makarychev A. Russia's soft power in the South Caucasus: discourses, communication, hegemony // Religion, Nation and Democracy in the South Caucasus. Agadjanian, Alexander, Joedicke, Ansgar and Evert van der Zweerde (eds.). – London and New York: Routledge, 2015. – PP. 238-254.

10 Kurbanov R., Kurbanov E. Religion and politics in the Caucasus // M. Bourdeaux (ed.) The Politics of Religion in Russia and the New States of Eurasia. – Armonk (NY) and London: M.E. Sharpe, 1995. – PP. 229-246,

11 Netgazeti.ge. Saqartveloshi rusuli propagandis tsinaaghmdeg gaertianebuli organizatsiebis gegmebi [Plans of Organizations in Georgia United Against Russian Propaganda]. – 9 May. – 2016. Netgazeti.ge. [Electronic resource]. URL <http://netgazeti.ge/news/113152/> (accessed 28 December, 2016).

12 Apsny. Rech' Ilii Vtorogo na vstreche s gruzinskoj diasporoj Rossii [Ilia II's Speech at a Meeting With the Georgian Diaspora of Russia] – 2013. [Jelektronnyj resurs]. URL <https://www.apsny.ge/2013/soc/1359267799.php> (data obrashhenija 03.09.2021).

13 Civil.ge. Georgian Patriarch visits Moscow. Civil.ge. – 21 November. – 2016. [Electronic resource]. URL <http://civil.ge/eng/article.php?id=29640> (accessed 26 December, 2016).

14 Novaya gazeta. 2019. Ili ty, Iliya. [New Newspaper. 2019. Or you, Elijah.] [Jelektronnyj resurs]. URL <https://novyagazeta.ru/articles/2019/11/25/82870-ili-ty-iliya> (data obrashhenija 04.10.2020).

15 Davutoğlu A. Turkey's foreign policy vision: an assessment of 2007 // Insight Turkey. – 2008. – Vol. 10. – No. 1. – PP. 77–96.

16 Balcı Bayram. Fethullah Gülen's Missionary Schools in Central Asia and their Role in the Spreading of Turkism and Islam // Religion, State & Society. – 31/2. – 2003. – PP. 151-177.

17 Fidan Hakan. Turkish Foreign Policy Towards Central Asia // Journal of Balkan and Near Eastern Studies. –12 (March) 1. – 2010. – PP. 109-121.

18 Tobolinfo. Мифы и реальность тюркского единства 11.08.2017 [Jelektronnyj resurs]. URL <https://tobolinfo.kz/mify-i-realnost-tjurkского-edinstva/> (data obrashhenija 20.09.2021).

Укенов А.С.

Дін халықаралық қатынастардағы жұмсақ күш құралы ретінде

Андатпа. Мақалада дінді «жұмсақ күш» ретінде пайдалану жағдайлары Ресей және Түркия мысалдарында қарастырылған. Сыртқы саяси стратегияларға сүйене отырып, әр мемлекет діндерді «жұмсақ күш» ретінде қолдануда өзіндік дискурсын қалыптастырады. Мақалада әлемдік діндер мемлекетаралық мәселелерді шешуде, рухани және саяси жаһанданудың бірегей тарихи тәжірибесінің тасымалдаушылары маңызды материалдық және басқа ресурстарды жинақтайтын рухани қуат институттары ең үлкен әлеуетке, сондай-ақ бостандық пен гуманизм құндылықтарын насихаттайтын азаматтық қоғам институттары ретінде көрініс табады деген идеяға негізделеді. Діннің «жұмсақ күш» ретінде қолданылуы секуляризм теорияларын сынға алуда тағы бір аргументке айналды. Ресей мен Түркия халықаралық аренадағы саяси беделін ескере отырып, олардың сыртқы саяси стратегияларының мысалында «жұмсақ күш» ретіндегі дін дискурсы талданады.

Түйін сөздер: дін, жұмсақ күш, қатты күш, зайырлылық, халықаралық қатынастар.

Ukenov A.

Religion as an Instrument of Soft Power in International Relations

Abstract. The article examines the cases of using religion as a “soft power” on the example of Russia and Turkey. Based on foreign policy strategies, each state forms its own discourse in the use of religions as “soft power”. The article substantiates the idea that world religions have the greatest potential in solving interstate issues, as carriers of a unique historical experience of spiritual and political globalization, as institutions of spiritual power that accumulate significant material and other resources, as well as as institutions of civil society that promote the values of freedom and humanism. The use of religion as «soft power» becomes another argument in criticizing the theories of secularism. The analysis of the discourse of religion as a “soft power” was made on the example of the foreign policy strategies of Russia and Turkey, taking into account their political authority in the international arena, as well as their perception as one of the centers of world religions.

Key words: religion, soft power, hard power, secularism, international relations.